

Статья посвящена концептуализации понятия коллекции в современном литературоведении, что является результатом влияния антропологических дисциплин и поиска новой литературоведческой терминологии в русле постструктурализма. Антология как коллекция литературных произведений рассматривается как особый литературный жанр, который определяется фабулой составителя и является средством создания и воссоздания различных культурных ценностей.

Ключевые слова: антология, коллекция, идентичность, составитель, нарратив, литература.

This article is dedicated to conceptualizing of collection in contemporary literary studies, which appeared as a result of anthropological influence and search for new literary post-structuralist terminology. An anthology as a collection of literary works is treated as a particular literary genre defined by compiler's fabula, and this genre is a mean for creating and recreating of different cultural values.

Key words: anthology, collection, identity, compiler, narrative, literature.

УДК 821. 161.1. 09 (092)

Оксана Зубченко

КОНЦЕПЦИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МОНОГРАФИИ П.Д. БОБОРЫКИНА «ЕВРОПЕЙСКИЙ РОМАН В XIX СТОЛЕТИИ»

Статья посвящена неизвестным страницам истории русской критической мысли XIX века. Рассматривается своеобразная интерпретация понятия «мировая литература» русским писателем-натуралистом П.Д. Боборыкиным. Эта концепция предполагает «построение» истории мировой литературы по знаковым произведениям, которые в концепции Боборыкина называются «веховыми». При таком подходе, как считает русский писатель, создается возможность изучать эволюцию художественного творчества одновременно в разных странах, что снимает проблему деления литературы по национальному признаку. «Вехи» позволяют рассматривать явления национальной литературы генетически и типологически в международном контексте.

Ключевые слова: мировая литература, критика, классическая литература, концепция, роман.

Понятие «мировая литература» впервые было сформулировано Гете в разговоре с Эккерманом в январе 1827 г. Однако, как отмечает С.В. Тураев, «потребовалось еще почти полтора века, прежде чем мировая литература стала исторической реальностью» [8, 5]. Само появление термина имело огромное теоретическое значение, поскольку «не только подводило итоги, но и намечало некоторую перспективу, улавливало тенденцию развития» [8, 5].

Широко распространенным является мнение, что само по себе понятие «мировая литература» возникло лишь в период «всеобъемлющих литературных контактов и синхронного взаимообмена наций своими духовными ценностями, когда стало возможным осознание совокупности различных национальных литератур как мировой литературы» [6, 69]. Д. Дюришин отмечает еще одно значение термина «мировая литература» — избрание «всего самого значительного, что создано в недрах отдельных литератур» [4, 83]. Однако понимание всемирной литературы как «совокупности национальных литератур» представляется неточным и непродуктивным, ибо является слишком

механическим: общее рассматривается как сумма частных.

Уточняя позицию французского ученого Поля Ван-Тигена, выдвинувшего идею всемирной литературы как особого предмета исследования, В.М. Жирмунский писал, что осуществление этой идеи стало бы возможным, если бы всеобщая литература рассматривалась не как простая сумма соседствующих и взаимодействующих национальных литератур, а как «исторически целое высшего порядка, развивающееся как единый и закономерный социально-обусловленный процесс» [5, 19].

Сходное понимание проблемы всемирной литературы было высказано Боборыкиным еще в конце XIX века. Писатель, опережая свою эпоху, выдвинул свое понимание развития мирового литературного процесса.

Для русского писателя понятие «всемирная литература» — особое целостное явление, развивающееся по определенным законам, общим для всех национальных литератур, которым свойственны определенные общие тенденции, общий вектор развития.

Осмысливая проблему развития мирового литературного процесса, П.Д. Боборыкин выдвигает оригинальную гипотезу, объясняющую основные этапы эволюции литературы. По его мнению, о тенденции, векторе развития литературы можно судить по наиболее значительным произведениям, которые являются своеобразными ориентирами. Боборыкин предлагает называть их «вехами». «Вехи» возникают как следствие внутренних закономерностей, характерных для всех литератур. Сам феномен — «всемирная литература» — это особый предмет исследования, некое цельное явление, развивающееся по определенным законам, которые являются общими для всех национальных литератур. Такие произведения-«маяки» знаменуют литературное развитие «по творческим замыслам, по художественным достоинствам формы, по артистическому мастерству работы» [1, 52].

В них должен быть «творческий почин» и отсутствовать «местная» или «национальная» тенденция (но не национальный колорит). «Вехи» имеют отношение ко всем национальным литературам и носят не временный, а постоянный характер. Они не возникают на пустом месте, являются «продуктами» отдельных талантов, однако в них необходимо видеть «кульминационные пункты собирательного творческого процесса в тот или иной момент» [1, 379]. Поэтому, полагает исследователь, историю литературы следует изучать не как историю гениальных личностей и их школ, не «по авторам», а «по произведениям».

В каждом отдельном роде или виде литературы, утверждает Боборыкин, «из совокупности индивидуальной работы складывается нечто общее, которое должно по необходимости проявлять известные законы развития. И на этом пути поднимаются вехи в виде отдельных произведений, по которым всего вернее можно судить об эволюции избранной области творчества» [1, 9]. Важно, убежден исследователь, наметить крупные произведения, объясняющие «победы» творчества, и ориентироваться по таким «вехам». Эти произведения не являются шедеврами, но они показательны. Шедевр писатель понимает как идеальное, «образцовое» произведение, а существование таковых Боборыкин отвергает. Ни одна из литератур, убежден он, не может быть представлена «образцовыми» произведениями, для которых должна быть характерна постоянно воспроизводимая в истории литературы система признаков. Тем более это невозможно для неканонических жанров, каковым является роман. Кроме того, в силу определенных объективных обстоятельств разные эпохи по-своему воспринимают искусство разных периодов прошлого, и оценка отдельных произведений зависит от убеждений, взглядов, обстановки, атмосферы, господствующих в обществе, к которому принадлежит читатель, писатель, критик. Поэтому

«определение» шедевров не может быть научным, объективным, а значит, с точки зрения Боборыкина, нельзя выявить и сами шедевры. «Веховые» произведения не являются произведениями образцовыми, они показательны, способствуют созданию ряда выдающихся произведений и свидетельствуют об определенных тенденциях развития мирового литературного процесса. «Вехи» никогда не появляются неожиданно, внезапно, они готовятся предшествующими литературными периодами.

Боборыкин считает теорию «вех» универсальной. Такой подход, убежден он, объективен и выявляет «органическую связь», существующую между личным и коллективным творчеством, определяет «завоевания изящного творчества над живою жизнью», а также «претворение всякого рода элементов культуры: материальных, общественных, этических, религиозных, политических в нечто, отвечающее самостоятельной потребности человеческого духа в прекрасном» [1, 380]. Таким образом, создается возможность изучать эволюцию художественного творчества одновременно в разных странах, а это снимает проблему деления литературы по национальному признаку. «Вехи» позволяют рассматривать явления национальной литературы генетически и типологически в международном контексте; они имеют отношение ко всем европейским литературам. Это произведения «делающие эпоху», и ориентируясь на них, можно создать историю всемирной литературы.

И сегодня точка зрения писателя заслуживает внимания, поскольку Боборыкин намечал довольно своеобразную перспективу построения и изучения истории всемирной литературы как единого закономерного процесса.

В поисках научного метода, способного помочь осуществить его замысел, исследователь обращается к сравнительному методу, который считал наиболее эффективным. Он ожидал больших успехов от его применения в сфере литературных исследований, ибо был убежден, что литературные явления, сравниваемые между собой, являются такими же фактами, как и явления природы, поэтому они вполне доступны проверке наблюдением.

Как известно, сравнительный метод во второй половине XIX века был одним из наиболее распространенных научных методов. Он применялся не только в изучении естественных наук, но и гуманитарных, использовался прежде всего там, где экспериментальное изучение было невозможно. Поэтому «он (сравнительный метод. — О.З.) до известной степени являлся эквивалентом экспериментального метода, — отмечал Б.М. Энгельгард, — открывая новые возможности установления причинного соотношения между последующим и предыдущим явлениями» [9, 59].

Точка зрения Боборыкина представляет интерес еще в одном отношении. Как известно, до XIX века национальные (региональные) литературы были традиционалистическими, нормативными, поскольку господствовал нормативный тип поэтики. Становление всемирной литературы выдвинуло на первый план задачу создания описательной поэтики. В русской филологической науке второй половины XIX века уже предпринимались попытки создания обобщающих работ, связанных с изучением опыта европейских литератур (Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, Н.П. Дашкевич, Н.И. Стороженко). Монография Боборыкина о европейском романе и его многочисленные статьи объективно делали его участником этого направления в русской науке. Само по себе обращение русских исследователей вообще и Боборыкина в частности к явлениям иной культуры было во многом перспективным и плодотворным.

Как известно, исследователь, принадлежащий к той же культуре, что и исследуемое произведение, лучше ощущает нарушения в системе поэтических средств. Общая же система приемов воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Исследователь же чужой культуры, наоборот, лучше ощущает общую систему, и хуже — систему ее нарушений. «“Чужое”, лежащее вне системы, мыслится как неправильное, именно неправильному, в первую очередь, приписываются черты своеобразия и характеристики <...> Не случайно самые ранние описания своеобразия того или иного народа создаются иностранцами» [3, 5].

Исследование Боборыкина явилось своеобразной попыткой извне, из «чужой» культуры взглянуть на эволюцию самого популярного литератур-

ного жанра — романа ведущих европейских стран. В этой связи интересны рассуждения Боборыкина об одном из наиболее известных исследований по русской литературе «иностранца» — работе Мельхиора де Вогюэ — «Русский роман» (1888). Возможно, что именно эта книга и подвинула отчасти самого Боборыкина на создание собственной монографии о русском романе. При всех недостатках работы Вогюэ, считает Боборыкин, ее значение трудно переоценить, поскольку она «наложила впервые печать на все то движение литературных вкусов парижан в сторону северо-востока» [3, 2]. Вогюэ стал прекрасным популяризатором русского романа. Книга французского критика, кроме того, была и первой попыткой создания систематизированного труда о русском романе.

Боборыкин ставит вопрос: «Критика иностранцев, когда она занимается нашей темой, какие представляет преимущества»? И отвечает: имея определенный собственный опыт и свой взгляд на развитие литературы собственной страны, «француз, англичанин, немец, каждый с детальным знанием своей литературы обладает в этом самом обширном поле сравнения, может легко засвидетельствовать: что в русском романе есть более своеобразного, а с другой стороны, в чем мы прошли через то или иное иностранное влияние — будь оно французское, немецкое или английское» [3, 3]. Эти слова можно было бы с полным основанием отнести и к работе Боборыкина о европейском романе [1]. Энциклопедическая образованность Боборыкина, знание многих европейских языков, собственная беллетристическая деятельность позволили русскому писателю сделать интересные наблюдения и выводы относительно зарубежных литератур.

ДЖЕРЕЛА

1. Боборыкин П.Д. Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века / П.Д. Боборыкин. — СПб., 1900. — 668 с.
2. Боборыкин П. Формулы и термины в области прекрасного / П.Д. Боборыкин // Вопросы философии и психологии. — 1894. — № 3. — С. 97–120.
3. Боборыкин П.Д. Эволюция русского романа / П.Д. Боборыкин // Под знаменем науки. — М., 1902. — С. 1–19.
4. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин. — М.: Наука, 1979. — 324 с.
5. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Избранные труды / В.М. Жирмунский. — Л.: Наука, 1979. — 493 с.
6. М. (Майков Л.Н.). История литературы как наука и как предмет преподавания / Л.Н. Майков // Отечественные записки. — 1864. — № 7. — Отд. 1. — С. 169–193.
7. Манфред А.З. К истории русско-французских культурных связей 70–80-х годов XIX в. / А.З. Манфред // Традиции дружбы и сотрудничества. — М., 1967. — С. 17–154.
8. Тураев С.В. Гете и формирование концепций мировой литературы / С.В. Тураев. — М.: Наука, 1989. — 267 с.
9. Энгельгард Б.М. Александр Николаевич Веселовский / Б.М. Энгельгард. — Пг., 1924.

Стаття присвячена невідомим сторінкам історії російської критичної думки XIX століття. Розглядається своєрідна інтерпретація поняття «світова література» російським письменником-натуралістом П.Д. Боборикіним. Ця концепція припускає можливість «побудови» історії світової літератури на канонічних творах, які в концепції Боборикіна називаються «віхами». За такого підходу, як вважає російський письменник, створюється можливість вивчати еволюцію художньої творчості одночасно в різних країнах, що знімає проблему поділу літератури за національною ознакою. «Віхи» дозволяють розглядати явища національної літератури генетично і типологічно в міжнародному контексті.

Ключові слова: світова література, критика, класична література, концепція, роман.

The article deals with the unknown historical pages of the Russian critical thinking in the XIXth century. The peculiarity of the Russian naturalist writer P.B. Boborykin's interpretation of the notion "world literature" is studied. This concept presupposes the possibility of "creating" the world literature's history according to the literary works which are called in the Boborykin's concept "milestones". According to this point of view, as the Russian writer states, there is a possibility of studying literary works' evolution in different countries simultaneously which solves the problem of structuring the literature according to the national features. The "milestones" allow us to examine the national culture's phenomena both genetically and typologically according to the international context.

Key words: world literature, critics, classical literature, concept, novel.

УДК 82.02

Лідія Кавун

СЕМІОТИЧНЕ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

У статті досліджуються особливості розвитку семіотичного напрямку у світовому літературознавстві, вивчаються джерела цього критичного дискурсу, розглядаються категорії семіотики.

Ключові слова: синтагма, семіотика, інтерпретатор, знак, парадигматика.

Протягом останніх двох десятиліть семіотичне літературознавство отримало потужний розвиток і стало однією з поліметодологічних дисциплін. Постановка семіотики як конкретно-наукового напрямку пов'язане з переходом окремих гуманітарних наук від описово-емпіричного до абстрактно-теоретичного рівня дослідження. Спочатку семіотику застосовували у лінгвістиці, експериментальній психології, соціології, а вже згодом — у науці про літературу. Загалом у Європі й у всьому світі поняття «семіотика» пов'язують зі сферою функціонування інформаційних знакових систем, з теорією інформатики, кібернетики, передусім у комунікативних зв'язках людей і суспільств (природна мова, система мистецьких та наукових, у т.ч. формалізованих, засобів передачі думок та почуттів, система жестових, світлових, тактильних, звукових, речових та ін. сигналів побутового, обрядового, сакрального характеру тощо). В.І. Тюпа зазначає: «Будь-яка діяльність не з речами, істотами чи особистостями як такими, а зі знаками називається *семіотичною* (від *грец.* *sema* — знак). Література як один із видів мистецтва також є діяльністю семіотичною, знаковою» [5, 46].

Мета нашої студії полягає у з'ясуванні специфіки розвитку семіотичного напрямку у світовому літературознавстві. У статті здійснюється спроба висвітлити основні джерела цього критичного дискурсу, встановити продуктивність його використання у вивченні літератури, пояснити категорії літературознавчої семіотики. Пропонована студія має передусім інформативний характер. Наука для свого плідного розвитку потребує інформації про дослідницькі пошуки, навіть якщо не все в її дискурсі є вдалим.

Предметом дослідження постають окремі дискурси представників американської (Ч.С. Пірса), російської (Ю. Лотмана), французької (А.Ж. Греймаса, Р. Барта, Ц. Тодорова) та італійської (У. Еко) семіотичних шкіл.

Семіотика як літературознавча наука започаткована у шістдесяті роки двадцятого століття; її пов'язують із діяльністю таких дослідницьких осередків, як паризька школа та журнал «Communications» і тартуська з видавництвом «Труды по знаковым системам». В основу поняття «семіотика» покладено грецький термін «*semion*» — знак. Цю дефініцію уводить філософ Джон Локк ще в XVII ст., намагаючись «розглянути природу